

— О, давайте сыграем, — Шан Чжэ снял пиджак, закатал рукава рубашки и бросил кубики. — Я банкир, начали, начали.

Чжоу Кан ноет:

— Не слишком ли убого? Приехали в «Лабиринт», щелкаем семечки и играем в маджонг, даже девушек не пригласили. Просто впустую тратим молодость!

Шан Чжэ ловко брал и сбрасывал плитки:

— Алкоголь вредит здоровью, бабы — почкам. Считай, что мы очищаем душу.

Дин Ци сидел следующим, и сразу съязвил:

— Маджонг вредит мозгу, я боюсь, что тебя доведу до идиотизма, и ты снова провалишь пересдачу.

Шан Чжэ:

— ...

Язык Дин Ци был известен своей язвительностью во всем Иньшэн. Либо молчит, либо бьет в самое больное. Шан Чжэ уже испытал это на себе, поэтому в лицо называл его «Брат Дин», а в телефоне записал как «Сколько же зла».

Когда игра в разгаре пошла, Шан Чжэ от избытка чувств начал напевать.

Он знал, что Чжоу Кану нужны «Вани», поэтому специально запел:

— Не~ так просто, дождаться~ твоего восьми Ваня~

Чжоу Кан чуть не запустил в него плиткой:

— Шан Чжэ, тебе НАДО?

Шан Чжэ лишь гадко хихикнул.

Сяо Хуэй подгоняла:

— Не шумите! Ходите! Чую, собираю!

Дин Ци был единственным, кто помнил о деле:

— Шан Чжэ, ты в актеры переходишь, определился с маршрутом?

Шан Чжэ уверенно:

— Определился, маршрут реалистичной игры!

— Тьфу. — Дин Ци снова вонзил нож. — Думал, ты пойдешь маршрутом клоуна. Вернулся и сразу сдал новость о внебрачном сыне в заголовки. Думаю, продвигать твоего сына проще, чем тебя.

— ... — Шан Чжэ сразу сник, подкинув Дин Ци хорошую плитку. — Прощу, брат Дин, пощади.

— Пон. — Дин Ци забрал плитку и продолжил колоть. — Я наводил справки, когда ты на пробы ходил, Хао Е с тобой был, в итоге режиссер на него и положил глаз. Теперь он актер первой линии, в прошлом году вообще номинировался на «Киноимператора». А ты? До сих пор ни одного приличного фильма. Скажу прямо, не судьба тебе быть актером.

— Эх, это же житейская история. — Шан Чжэ относился к этому легко. — Же часто бывает, кто-то идет с кем-то на конкурс, участника не берут, а спутника берут. Или подруга с девушкой на свидание идет, а парень влюбляется в подругу... Короче, в следующий раз на пробы я пойду специально как декорация, может, и выйдет.

— Что за бред. — Дин Ци холодно хмыкнул. — Ты ведь потом на стажировке в компании был, когда тебя в петь вытащили. Видимо, удача у тебя не плохая.

Чжоу Кан сбросил плитку и вставил:

— Тогда планировали группу собрать, Шан Чжэ туда включили. Компания дала песню для пробы, но из-за внутренних проблем группа развалилась. Продюсер послушал демо, Шан Чжэ ему приглянулся, сказал, внешность хорошая, музыкальная база есть, вот и вытащил.

Дин Ци вытащил восемь Ваней, специально покрутил перед Чжоу Каном, потом сбросил четверку бамбука:

— Вернись на землю. Небеса дали тебе талант петь, но не дали талант играть.

Чжоу Кан:

— ...

Шан Чжэ:

— Нет-нет-нет, на самом деле Небеса меня любят. Они дали мне два дерева талантов, просто я поначалу очки не туда распределил. Теперь вышло новое дополнение, я прокачался, могу очки в другое дерево кидать.

Дин Ци:

— Ха, жаль, это дополнение называется «Холостяк с сыном», и твое новое дерево талантов с «Киноимператором» связано, но очки ты все в «Папу» кидаешь.

Шан Чжэ:

— ...

Чжоу Кан начал сбрасывать свои Вани:

— Эй, Дин Ци, не бей его так сильно. Он сейчас в ситуации, как я был. Чувствуешь, что дорога в тупик зашла, значит, надо менять дорогу.

Рядом Сяо Хуэй вдруг запела:

— Не~ так просто, сбрось пятерку, остальное~ не смотреть~

Чжоу Кан взбесился:

— Вы, блядь, что, подсматривали мои карты?!

Сяо Хуэй сказала:

— Успех трансформации зависит от того, как ты прокачаешь актерское мастерство. Я у твоего бывшего агента спрашивала, он сказал, что ты, получив «Певца года», захотел в актеры, но проба вышла очень плачевно.

— Насколько плачевно? — спросил Дин Ци.

— Простый поворот головы и улыбка — 38 дублей, режиссер чуть с ним не передрался. Фильм как назывался, а? Точно, «Тринадцатый повеса».

Дин Ци поднял бровь:

— Он главную играл?

Сяо Хуэй:

— Ага, исторический про времена Республики. Он играл тринадцатого господина, но превратил разгульного сына в человека с каменным лицом. Да и сам сериал народу не зашел, герой не любим, а наложницы играли лучше. В общем, его порвали в клочья. Тот еще учебник провальной трансформации.

— Я осознал ошибки, я стал другим человеком, я просто хочу быть хорошим актером. — Шан Чжэ взглядом Лю Дэхуа из «Бесконечного пути» с чувством сбросил Южный ветер.

— Ху! — Сяо Хуэй радостно сказала.

Шан Чжэ:

— ...

Чжоу Кан:

— ...

Дин Ци поправил очки, не сдаваясь, потянул следующую плитку:

— Раз ты уперся в эту дорогу, не вини, что я буду учить тебя жестко... Блядь! Сам себе вытащил пару! Всего на шаг позже Сяо Хуэй, кто тебя просил Южный ветер сбрасывать!

К середине игры Шан Чжэ проиграл, осталась с десяток с мелочью, Чжоу Кан был еще хуже, вообще на мели. Оба закричали, что нужен тайм-аут. Чжоу Кан пошел по большому делу, Шан Чжэ как раз звонок из дома получил, вышел отвечать.

— Алло? Да, Сяо Сунь. Нет, я не ночевать остаюсь... — Снаружи шумно, Шан Чжэ увидел в конце коридора маленькую террасу, шел туда, разговаривая. — С Цяцей что-то?

На террасе было намного тише. Шан Чжэ облокотился на перила, слушая рассказ Сяо Суня о том, как Цяця не хочет купаться, и не знал, плакать или смеяться:

— Угу, понял. Он, наверное, еще не привык, что его незнакомец купает.

— Ничего, уложи его спать, можешь сказку рассказать. Книжка у меня на тумбочке, закладка внутри.

— Пусть спит на моей кровати, я скоро вернусь. Угу, не очень поздно. Спасибо.

Положил трубку, Шан Чжэ подумал, не вернуться ли пораньше. Повернулся — его схватили за лацкан. Инстинктивно перехватил запястье, но, встретившись взглядом с тем человеком, от неожиданности ослаб, упустил инициативу и был насильно затащен с террасы в другой кабинет на этом этаже.

— Ты что делаешь! — Шан Чжэ пришел в себя, оттолкнул его руку.

— Поговорить о прошлом. — Лицо Чжэн Цзяня было недоброе, он запер дверь кабинета на ключ.

Шан Чжэ косился на него, глядя, как тот снимает пиджак, выдергивает галстук, интеллигентно отстегивает запонки. Вдруг стало трудно дышать:

— Чжэн Цзянь, ты...

Чжэн Цзянь поднял бровь.

У него было красивое суровое лицо, брови как ножи, контуры глаз твердые и глубокие. Обычно одетый с иголки, он производил впечатление сдержанного и скрытного человека, а сейчас выглядел гораздо грубее, даже с той долей сексуальности, которую Шан Чжэ знал так хорошо.

Шан Чжэ сделал глоток, кадык дернулся:

— Ты... ты хочешь меня избить, или... трахнуть?

Чжэн Цзянь холодно усмехнулся, шагнул ближе. Колени Шан Чжэ ударились о диван, ноги подкосились, он сел.

Чжэн Цзянь наклонился, глядя сверху:

— Я сказал, просто поговорить о прошлом. Учитывая наше прошлое, как ты думаешь, я должен тебя избить, или трахнуть?

— Ха-ха. — Шан Чжэ смутился до смерти, резко сменил тему. — Как везде тебя встречаю, неужели следишь?

— Еще не до этого дошло.

— ...Что значит еще не до этого? Ты реально планируешь?

— На этот раз совпадение, но даже если бы сегодня не встретились, через пару дней все равно увиделись бы. — Чжэн Цзянь сел рядом.

— Для чего? — Они сидели близко, Шан Чжэ чувствовал слабый запах алкоголя от его дыхания, ему казалось, что лицо само загорелось. Спустя три года этот человек всё еще обладал невыразимым притяжением для него: внешность, фигура, напор или техника в определенном вопросе. — ...Отойди подальше.

<http://bllate.org/book/17718/1655949>